

178 1 7976
L-C 68
67607
М. М. ЛЯШЕНКО.

(М. М. ПРАВДИНЪ)

НА ЗАРЪ НОВОЙ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Ревель.

Печатано въ типографіи «Колывани».

1892.

DUPLICATE EXCHANGE, LIBRARY OF CONGRESS

М. М. ЛЯШЕНКО.

НА ЗАРЬ НОВОЙ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Ревель.

Печатано въ типографіи «Колывани».

1892.

LC
MAY 22 1950

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

544534B

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1950 L

ЧАСТЬ I.

Г л а в а I.

Въ средней полосѣ Россіи лежитъ губернской городъ Х. Въ двадцати верстахъ отъ него, по обоимъ берегамъ многоводной рѣки, живописно раскинулось село Златозвоны, которое, съ четырьмя вокругъ него лежащими деревнями, сыпokonъ вѣка принадлежить роду князей Бѣлорѣцкихъ. Княжескія хоромы, выстроенныя много вѣковъ тому назадъ, поддерживаются преемственно князьями Бѣлорѣцкими въ томъ же видѣ, въ какомъ онѣ были построены прапрапрадѣдомъ живущаго нынѣ поколѣнія. Роскошная аллея стройныхъ какъ лань тополей тянется на полверсты отъ села къ княжескимъ хоромамъ, около которыхъ она раздается въ ширь и образуетъ передъ домомъ большую серпообразную поляну, на которой разбитъ превосходный цвѣтникъ, въ самомъ затѣйливомъ вкусѣ. На эту поляну выходитъ главный фасадъ дома, отдѣланный разными деревянными украшеніями въ самомъ старинномъ и дѣвственно чистомъ русскомъ стилѣ. Тотъ же стиль хорошо сохраненъ и во внутреннемъ убранствѣ многочисленныхъ покоевъ.

Наканунѣ Севастопольской кампаніи Златозвонами владѣлъ князь Аркадій Васильевичъ Бѣлорѣцкій.

Аркадій Васильевичъ былъ въ полномъ значеніи слова аристократъ до мозга костей. Воспитанный въ Екатерининской школѣ. представителемъ которой онъ съ гордостью считалъ себя самого. князь Аркадій Васильевичъ былъ высокаго мнѣнія о себѣ, о своемъ умѣ, характерѣ, привычкахъ и велъ безпутную, широкую жизнь вельможи. Онъ изъ самолюбія служилъ въ военной службѣ и въ силу этого былъ однимъ изъ участниковъ отечественной войны, во время которой дослужился до большихъ чиновъ и орденовъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ онъ женился не по любви на дѣвущкѣ знатнаго княжескаго рода, которая не въ силахъ была оторвать его отъ веселой, распутной жизни.

Черезъ два года послѣ брака она, подаривъ ему сына, умерла отъ родовъ и вскорѣ совсѣмъ изгладилась изъ его памяти.

Одинокая распутная жизнь, которую велъ онъ и послѣ ея смерти, расшатала его здоровье и ожесточила характеръ. Онъ такъ увлекался жизнью, удовольствіями, что даже забылъ, что у него есть сынъ, который все-таки требуетъ какихъ-нибудь заботъ и попеченій.

Г л а в а II.

Нерадостно протекли дѣтскіе, отроческіе и юные годы сына князя Аркадія Васильевича. Изъ всѣхъ людей, окружавшихъ его въ эти годы, одна только кормилица Груня выказывала ему чувство любви и расположенія. Груня, лишившись сына, молочнаго брата Владиміра Аркадьевича, такъ звали молодого князя, перенесла на него материнскую любовь свою и полюбила его какъ свое родное дѣтище. Послѣ смерти княгини Груня, видя безпутное поведеніе Аркадія Васильевича, видя, что на сына онъ не обращаетъ ровно никакого вниманія, даже не спрашиваетъ ее, при рѣдкихъ встрѣчахъ, о его здоровьѣ — еще съ большею ласкою стала относиться къ довѣренному ей попеченіямъ ребенку. Въ громадныхъ хоромахъ князей Бѣлорѣцкихъ, среди тысячъ крѣпостныхъ людей, Груня была единственнымъ человѣкомъ, который заботился, любилъ всѣми забытаго ребенка, при жизни отца круглаго сироту.

Владиміръ Аркадьевичъ, съ первыхъ минутъ проявившагося сознанія, естественно привязался къ своей кормилицѣ всѣмъ дѣтскимъ сердцемъ своимъ. Отца своего онъ почти никогда не видалъ и кромѣ холоднаго, официальнаго поцѣлуя, при рѣдкихъ встрѣчахъ, никакой ласки никогда не получалъ отъ него. Поэтому отца онъ началъ дичиться и въ концѣ-концовъ одно только чувство страха къ нему засѣло въ его сердце. Дѣтскому же сердцу ласка матери, ласка любящей женщины, которая мягко, снисходительно относится къ нему, которая учитъ его первымъ словамъ молитвы, учитъ

складывать ручки при обращеніи къ Богу, которая перекрестить его, отходящаго на сонъ грядущій, уложить въ кроватку, поправить подушку, поцѣлуетъ еще, еще нѣсколько разъ; ласка отца, первыя его наставленія въ жизни, первые уроки о чести, благородствѣ, первое направленіе на должную колею хорошей, честной жизни, — всѣ эти заботы, ласки и попеченія дѣтскому сердцу равно необходимы, насущно-нужны, какъ всякому живому существу нуженъ воздухъ, безъ котораго немислимо его существованіе. И молодой князь, видя вокругъ себя все безучастныя, холодныя лица или людей высшаго аристократическаго круга, которые своимъ долгомъ считали въ угоду князю легонько потрепать его по щекѣ во время его короткихъ, случайныхъ появленій въ парадныхъ гостиныхъ, или челяди, которая, слѣдуя примѣру князя, не обращала на него никакого вниманія — понятно въ одной Грунѣ сосредоточилъ весь дѣтскій міръ свой, въ ней одной видѣлъ и мать, и друга, и перваго своего совѣтника.

Вторымъ лицомъ, привлечшимъ его вниманіе, былъ Потапычъ — мужъ Груни.

Дмитрій Потаповъ, по всеобщему прозвищу просто Потапычъ, игралъ видную роль между дворовыми стараго князя. Благодаря ловкости и страстной любви къ охотѣ, онъ, несмотря на свои двадцать пять лѣтъ, былъ назначенъ главнымъ наблюдателемъ за княжескою охотою.

Владиміру Аркадьевичу было пять лѣтъ, когда онъ въ первый разъ въ сопровожденіи Груни пришелъ на псарный дворъ. Потапычъ подозвалъ большаго пса-водолаза, посадилъ на него ребенка и, поддерживая его за ручки, заставилъ собаку рысью бѣгать по обширному двору. Эта забава привела въ восторгъ ребенка. Съ этого дня онъ съ ранняго утра ежедневно приставалъ къ своей нянѣ, чтобы та вела его на псарный дворъ.

— Къ дядѣ Тапу! къ дядѣ Тапу я хочу идти! — просилъ онъ, обхвативъ рученками за шею Груню и крѣпко цѣлуя ее.

Прогулки на псарный дворъ производились каждый день. Цезарь-водолазъ привыкъ исполнять роль лошади своего молодого хозяина и всегда съ громкимъ лаемъ, весело мотая хвостомъ и прыгая, бѣжалъ на встрѣчу ребенку, какъ только, бывало, за-

видить его въ калиткѣ двора. Потапычъ придумывалъ всевозможныя штуки, чтобы только занять ребенка. Съ наступленіемъ осени и непогодъ прогулки на псарный дворъ прекратились. Ребенокъ началъ сильно скучать: видѣть друзей своихъ — собакъ и Потапыча — сдѣлалось необходимою для его дѣтскаго сердца. Потапычъ, уступая просьбамъ жены, которая видѣла, что ребенокъ съ тоски началъ хирѣть, привелъ однажды въ дѣтскую съ задняго крыльца собаку.

— Цезарь! Цезарь! — закричалъ ребенокъ, охвативъ руками за шею большую собаку, которая, весело визжа, въ одинъ мигъ большимъ языкомъ облизала ему отъ радости все личико. — Цезарь! — продолжалъ шептать онъ въ какомъ-то восторгѣ, цѣлуя въ морду любимца своихъ дѣтскихъ игръ.

Онъ навязалъ на шею собаки красный, въ большихъ розахъ, ситцевый платокъ своей няньки, гладилъ, ласкалъ ее и не зналъ, какъ высказать своему другу всю радость встрѣчи съ нимъ. Цезарь словно понималъ восторгъ ребенка и, слѣдя за нимъ пристальнымъ, умнымъ, точно любовнымъ взоромъ, позволялъ ему дѣлать съ собою все, что только приходило ему на умъ.

Когда же Потапычъ хотѣлъ увести собаку, ребенокъ поднималъ такой плачъ и крикъ, что Груня не знала, какъ и уговорить его. Только обѣщаніе Потапыча на другой день опять привести Цезаря осушило слезы ребенка.

Потапычъ сдержалъ слово. Не взирая на строгое наказаніе, которое могло бы постигнуть его за самовольный приводъ собаки въ дѣтскую, онъ ежедневно утромъ являлся съ Цезаремъ въ комнату ребенка и тѣшилъ его всѣмъ, чѣмъ только могъ.

Однажды Аркадію Васильевичу пришла фантазія пройти въ дѣтскую и посмотреть, что дѣлаетъ его сынъ. Это посѣщеніе было вторымъ за четыре мѣсяца пребыванія его въ Златозвонахъ. Отворивъ дверь въ дѣтскую, онъ остановился на порогѣ, пораженный тѣмъ, что увидѣлъ. На полу растянувшись лежалъ Потапычъ. Цезарь, уцѣпившись зубами за одну полу его длиннаго кафтана, громко рыча, мотая головою, теребилъ ее. Ребенокъ, слѣдуя примѣру собаки, стоя по другую сторону Потапыча, ухватившись рученками за другую полу его кафтана, ободряя своего

друга громкими криками, съ силою тащилъ полу къ себѣ. Возбужденное личико его было покрыто дѣтскимъ здоровымъ румянцемъ, волосы были всѣ растрепаны и пряди ихъ, свѣсившись на сильно вспотѣвшій лобикъ, въ безпорядкѣ пристали къ нему. Глазеньки горѣли огнемъ удовольствія и торжества.

— Что это за собака? — спросилъ Аркадій Васильевичъ, переступая порогъ комнаты.

Потапычъ, не замѣтивъ раньше князя, отъ звука его голоса, съ испугомъ на лицѣ, растерявшись, вскочилъ на ноги. Ребенокъ, разставивъ ручки, съ удивленіемъ смотрѣлъ на отца, пришедшаго нарушить его игры. Въ глазкахъ его такъ и свѣтился вопросъ: «зачѣмъ ты пришелъ сюда въ мое дѣтское царство? Тутъ тебѣ нѣтъ мѣста». Цезарь, видя переполохъ между своими друзьями, точно чувствуя бѣду, поджавъ хвостъ, забился подъ столъ.

— Что это за собака? — не получивъ отвѣта, повторилъ Аркадій Васильевичъ.

— Цезарь съ псарнаго двора, ваше сіятельство, — дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Потапычъ.

— Зачѣмъ ты грязную собаку приводишь въ дѣтскую? Только воздухъ портишь.

— Цезаря я каждый день вычесываю, ваше сіятельство. Онъ песъ чистый, отъ него духу нѣтъ никакого, я кажинную недѣлю мою его.

— Все равно, собакѣ не мѣсто въ дѣтской.

— Папа, мнѣ не съ кѣмъ играть! оставь мнѣ, папа, Цезаря, я такъ люблю его, — сказалъ ребенокъ, устремивъ на отца умоляющій взоръ.

Аркадій Васильевичъ взглянулъ на сына. Какая-то жалость къ этому забытому имъ ребенку щипнула его за сердце, и невольный укоръ самому себѣ сталъ на совѣсти.

— Онъ грязный, Володя, тебя будутъ блошки кусать.

— Нѣтъ, папа, Цезарь чистый. Тапычъ его моетъ каждое утро, какъ няня меня моетъ. Оставь, папа, мнѣ Цезаря. Мнѣ скучно безъ него, — продолжалъ просить ребенокъ.

— Ну, хорошо, пускай Цезарь остается. Только ты больше собакъ не води сюда, — сказалъ князь Потапычу.

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, больше не приведу. Ихъ сіятельству и одного Цезаря довольно, — отвѣтилъ Потапычъ съ облегченною душою.

Ребенокъ продолжалъ стоять посреди комнаты. Его дѣтское сердце чувало, что ему надо поблагодарить отца; ему хотѣлось подойти къ нему, приласкаться, но какой-то врожденный страхъ удерживалъ его и не давалъ ему ступить съ мѣста. Но Цезарь, какъ видно, былъ очень дорогъ его маленькому сердцу. Позволеніе оставить своего друга въ комнатѣ, сильно обрадовало его. Онъ поборолъ страхъ, подошелъ къ отцу, взялъ его руку и крѣпко поцѣловалъ ее.

Князь, поддавшись ласкѣ ребенка, взялъ его подъ мышки, поднялъ и поцѣловалъ въ губы.

Ребенокъ, охвативъ его рученками за шею, въ свою очередь поцѣловалъ его нѣсколько разъ.

— Ты у меня, я вижу, очень умный мальчикъ, — съ невольнымъ волненіемъ въ голосѣ проговорилъ Аркадій Васильевичъ, опуская ребенка на полъ, — будь послушнымъ и умнымъ, и я буду любить тебя.

Этими словами и ограничилась вся забота князя о сынѣ. Проживъ еще нѣсколько дней въ Златозвонахъ, онъ, совершенно довольный тѣмъ попеченіемъ, которымъ былъ окруженъ ребенокъ, поѣхалъ на зимній сезонъ въ Петербургъ.

Только Цезарь со дня посѣщенія князя остался навсегда въ дѣтской. Ребенокъ и слушать не желалъ Потапыча, когда онъ хотѣлъ отвести вечеромъ собаку на псарный дворъ. — Папа позволилъ оставить здѣсь Цезаря, — говорилъ онъ бойко, защищая рученками собаку, — Цезарь будетъ спать на моей кровати вмѣстѣ со мною.

Съ трудомъ удалось Грунѣ уговорить своего любимца не брать собаку на свою постельку. Только тогда, когда она заставила собаку лечь на коврикѣ у изголовья его кровати, ребенокъ успокоился и, пристально тараща на Цезаря слипавшіеся сномъ глазки, заснулъ безмятежнымъ дѣтскимъ сномъ.

Радости его не было конца, когда утромъ, проснувшись, онъ

увидѣлъ Цезаря лежавшимъ такъ же, какъ и вечеромъ, на коврикѣ у его постельки.

— Цезарь! — окрикнулъ онъ громко собаку.

Собака точно ждала этого крика. Она быстро вскочила на ноги, сунула свою умную морду на подушку и лизнула своего настоящего хозяина прямо въ лицо.

Ребенокъ поцѣлуемъ привѣтствовалъ своего друга.

Г л а в а III.

Прошелъ сравнительно счастливый для ребенка годъ. Мирно, тихо, покойно текла его жизнь между друзьями: Грунею, Потычемъ и Цезаремъ, совершенно забывшимъ существованіе псарнаго двора.

Но вотъ въ одинъ прекрасный день пріѣхалъ Аркадій Васильевичъ и къ ужасу всего дѣтскаго царства привезъ съ собою для сына французенку гувернантку. Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Питера въ деревню, въ которой располагалъ онъ пробывать всего нѣсколько дней, а затѣмъ отправиться далѣе за границу на минеральныя воды, Аркадій Васильевичъ нечаянно вспомнилъ, что у него есть сынъ, объ образованіи и воспитаніи котораго пришло время подумать. Онъ рѣшилъ начать воспитаніе ребенка съ обученія иностраннымъ языкамъ. Для этой цѣли онъ приказалъ розыскать французенку гувернантку, знакомую съ другими иностранными языками, согласную отправиться, конечно за хорошее вознагражденіе, въ деревню. Гувернантка черезъ нѣсколько дней была отыскана и наружностью очень понравилась князю. Условія были тутъ же заключены и назначенъ день отъѣзда.

Въ дорогѣ гувернантка — истая парижанка, — совершенно очаровала князя. Это была веселая, разбитная дѣвушка, жившая, какъ большая часть ея соотечественницъ, сегодняшнимъ днемъ. Аркадій Васильевичъ въ длинной, утомительной дорогѣ ухаживалъ за нею съ полною, подобающе истинному джентльмену, какимъ онъ считалъ себя, предупредительною вѣжливостью. Послѣдствіемъ этой предупредительности во время долгой ѣзды на почтовыхъ

въ громадной со всѣми удобствами каретъ-дормезъ (такъ какъ желѣзныхъ дорогъ въ то время еще и въ поминѣ не было, а на сооруженную уже Царскосельскую смотрѣли тогда какъ на забавную игрушку) были очень, очень близкія отношенія съ пикантною парижанкою.

По прїѣздѣ въ Златозвоны гувернантка, къ общему неудовольствію всего дѣтскаго міра, завела тамъ необходимый, по ея мнѣнію, режимъ. Но князь Аркадій Васильевичъ, переставшій даже и думать о поѣздкѣ за границу, всегда нарушалъ режимъ, введенный француженкою, которая, какъ оказалось на дѣлѣ, больше служила для его личнаго удовольствія и развлечения, чѣмъ для воспитанія его ребенка. Быстро промелькнули для князя лѣтніе мѣсяцы. Француженка, благодаря врожденному юмору и веселому характеру, такъ занимала князя, то рассказами, то пѣніемъ, то другими, иногда очень скабресными шутками, что Аркадій Васильевичъ не замѣчалъ быстрого полета времени. Наконецъ насталъ сентябрь. Какъ раннихъ весеннихъ гостей пернатыхъ гонить на югъ — въ край, гдѣ солнечный лучъ и зимою живительно грѣетъ — холодъ наставшей осени, такъ равно и Аркадія Васильевича непогода, наводившая тоску, гнала изъ имѣнія; но не на югъ, въ теплый край, а на сѣверъ, въ сырой Питеръ, гдѣ различныя удовольствія грѣли его уже остывавшую кровь не хуже лучей полуденнаго солнца.

Потребность высшаго общества, баловъ, театровъ, пикантныхъ маскарадовъ — предъявила свои права. Эта жизнь, мало содержащая духовныхъ и нравственныхъ красотъ, была ему такъ же необходима, какъ рыбѣ вода. Идиллія надобла ему; удовольствія на лугахъ и въ лѣсахъ съ пастушкою — парижанкою потеряли для него прелесть новизны. Въ одинъ прекрасный день онъ приказалъ камердинеру приступить къ приготовленіямъ въ дорогу и укладывать его громадный багажъ. Француженку, которая для него въ настоящую минуту стала лишнею, онъ мысленно рѣшилъ оставить въ Златозвонахъ. Каково же было его удивленіе, когда его веселая наперсница объявила ему, что остаться ей въ имѣніи нельзя, потому... потому, что она беременна.

Груня широкимъ крестомъ перекрестилась, когда узнала, что ненавистная ей гувернантка уѣзжаетъ вмѣстѣ съ княземъ.

— Пучеглазая-то, вертихвостка, безстыжая-то съ самимъ катить въ Питербрухъ, — объявила она радостную новость Потапычу.

— Слава Тѣ, Господи! а то срамота одна была, -- отвѣтилъ ей мужъ.

— Она, ты знаешь, Потапычъ того, — моргнувъ хитро глазами сказала Груня.

— А ты откуда это знаешь?

— Вѣстимо уже знаю, коли говорю, я баба, это дѣло доподлинно мнѣ извѣстно; коли была бы здорова, то ей бы нутро не тянуло бы вверхъ кажинный часъ.

— Эхъ дѣла! крутые дѣла! грѣхъ одинъ, да и только. Слава Богу, что онъ-то надумался тащить ее отсель съ собою; а то покуда одна бы была. Хоть глазъ никуда не кажи.

Аркадій Васильевичъ довезъ свою спутницу до Х... Оттуда, снабдивъ порядочною суммою денегъ, онъ отправилъ ее на родину, за границу; а самъ съ облегченною душою, подгоняя ямщиковъ щедрыми «чаями», полетѣлъ въ Петербургъ.

Гувернантка, какъ мало она ни пробыла въ Златозвонахъ, успѣла за это время своимъ режимомъ порядочно испортить характеръ ребенка: онъ сталъ за это время нервнымъ и раздражительнымъ. Съ отѣздомъ ея старый образъ жизни вновь водворился въ дѣтской. Цезарь, прогнанный гувернанткою, вернулся съ псарнаго двора въ привычное мѣсто, на коврикъ у изголовья кровати ребенка, который, принявшись за прежнія игры съ нимъ и съ Потапычемъ, скоро забылъ свои огорченія, повеселѣлъ... и исчезнувшій было здоровый румянецъ вновь заигралъ на его пухленькихъ щекахъ.

Прошелъ сезонъ. Князь Аркадій Васильевичъ, пользуясь жизнью во всю ширь, не пропускалъ ни одного удовольствія, которое могло бы своею новизною или пикантною развлечь его, въ высшей степени избалованнаго въ этомъ отношеніи человѣка. Истекшій годъ онъ считалъ очень удачнымъ годомъ. Даже по службѣ, которую онъ имѣлъ только для удовлетворенія честолюбія и на ко-